

СБОРНИК ОСВЕЖАЮЩИХ ТЕКСТОВ

ЛИМОННИК

ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗРАИЛЬСКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЕЧЕРИНОК

Хелен Лимонова

**Лимонник. По материалам
израильских
литературных вечеринок**

«Издательские решения»

Лимонова Х.

Лимонник. По материалам израильских литературных вечеринок /
Х. Лимонова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962590-8

Это сборник необычный, сборник уникальный. В нём — вкусная литература, от ироничной до исповедальной. Всех его авторов можно видеть вживе. На вечерах «Лимонник», проходящих в Тель-Авиве. Хочешь — будь прозаиком, желаешь — стань поэтом; Срок мероприятия подскажет Интернет нам. Если сможете — приходите, писатели приглашают. А нет — читайте и нежно завидуйте, они разрешают.

ISBN 978-5-44-962590-8

© Лимонова Х.
© Издательские решения

Содержание

Что такое Лимонник	6
Были они чернявые и горбоносые	8
Татьяна Бершадская	8
Абрикосовое варенье Семирамиды	8
«Что ты помнишь обо мне?..»	10
«Вы так замечательно врёте!..»	10
Анатолий Золотушкин	12
Кладбище	12
Вперед, к свинье навстречу!	12
Александр Казарновский	15
Были они чернявые и горбоносые	15
Маргарита Рубановская	18
Сплошная авантюра	18
Мама идёт в армию	19
Вики Петров	20
И ещё раз – Брахи	20
Гуль-гуль	21
Воробушек	21
Георгий Зингер	23
Из повести «Инопланетянин»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Лимонник

По материалам израильских литературных вечеринок

Редактор Хелен Лимонова

ISBN 978-5-4496-2590-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Что такое Лимонник

Уважаемый друг! Если Вы не потеряли вкус к чтению и не против развлечься, предлагаем познакомиться с творчеством израильского литературного клуба «Лимонник».

Это не какая-нибудь виртуальная группа зависших в Интернете авторов. Напротив! Мы все вполне живые и весьма жизнерадостные личности, которые встречаются раз в месяц на литературных вечеринках с таким же названием – Лимонник.

Наши вечеринки проходят в центре Тель-Авива, в уютном концертном зале. Здесь есть все, что необходимо для правильного протекания творческого процесса: прекрасно оборудованная сцена, кофеварка и бар. В первую очередь гостям будет предложен лимонный пунш «Пьяный Пегас». Организует эти вечера «Издательский дом Helen Limonova» (вот откуда взялись эти лимоны).

Лимонники – самое лучшее место для того, чтобы в непринужденной обстановке познакомиться и подружиться между собой авторов и читателей, ведь они так нужны друг другу.

Кроме того, здесь легко завести новые знакомства с интересными людьми. Среди приглашенных гостей – известные писатели, поэты, журналисты, театральные деятели, представители СМИ.

Возможно, Вы тоже пишете? Тогда скорее приходите сюда! Готовы выступить перед публикой, прочесть свои тексты и даже спеть? Пожалуйста к микрофону! Если петь сами не готовы, берите с собой ваших любимых исполнителей. Короткая проза, афоризмы и шутки особенно приветствуются.

Если Вы далеко от нас и только планируете посетить Тель-Авив, предлагаем пока что для развлечения почитать эту книжку. Здесь мы собрали все самое интересное и запоминающееся, что произносилось на Лимонниках. Грустное и веселое, серьезное и легкомысленное. На любой вкус. Есть только одно, что объединяет эти тексты – они талантливы.

Запомните имена авторов, тексты которых вам понравятся. Не исключено, что в ближайшем будущем они станут широко известны ценителям хорошей литературы. Желаем нескучного чтения и ждем в гости!

Хелен Лимонова, директор издательства.

Адрес для связи с издательством: izdatel.helen.limonova@gmail.com

Были они чернявые и горбоносые

Татьяна Бершадская

Абрикосовое варенье Семирамиды

Сима Ицикович жила на Пушкинской, вход со двора налево, и по вытертым мраморным ступенькам – на второй этаж. На площадке стоял здоровенный морской сундук времен наполеоновских войн или, пожалуй, еще более ранних флибустьерских захватов мирных торговых судов. Сама мадам Ицикович ни к флоту, ни, тем более, к пиратству, не имела никакого отношения. Ее муж, Мирон Данилович Ицикович, всю жизнь проработал страховым агентом. Был абсолютно не романтичен, а наоборот – мал ростом, глуховат, подслеповат и с таким дефектом речи, что первая же, произнесенная им буква «р» в каком-нибудь слове, не оставляла никаких иллюзий на его счёт. С ними жил племянник Вениамин, одиннадцатилетний толстый мальчик с женской грудью и Х-образными ногами. У него были огромные шоколадные глаза с загнутыми ресницами, похожие на коровьи, широкая попа и тонкий голос. А еще он часто был бит по дороге из школы, и по этому поводу плакал, жаловался всем и получал еще больше от пацанов, которые в нем не любили ВСЁ – и то, что «жид», и то, что «жиртрест», плакса и слабак! Сестра Симы развелась с отцом Веника (так мы его звали), когда тот был еще маленьким. А через три года умерла от осложнения после гриппа. Венику было тогда пять лет, и бездетные Сима и Мирон Ициковичи решили, что это им знак свыше – сиротка и аидише кинд¹, да еще родной племянник в одном флаконе, чтобы достойно прожить остаток жизни и воспитать мальчика, родную кровиночку.

Они его любили. Не по обязанности, а по правде. Сима, специально для него, покупала на Привозе огромные спелые абрикосы, которые Веник обожал. Кроме Веника никто их не ел. А еще он любил абрикосовое варенье, которое Сима варила в промышленных количествах. И это варенье тоже потреблял только Веник. А Сима с Мироном, не то чтобы не любили абрикосы, – они, типичные одесские родители (да-да, именно родители!) полагали, что ребёнок должен получать ВСЁ, а мы уж как-нибудь...

Веника продолжали любить дома и не любить в школе – уж больно он раздражал своим видом и будил в одноклассниках низменные чувства...

Я не была в Одессе год, а летом снова приехала к дедушке с бабушкой. Опять мое любимое море, читальня в парке Шевченко, бабушкины теплые руки, заплетающие мне косы... Через несколько дней после приезда я столкнулась у входа в парадное с каким-то мальчишкой. Я не успела отскочить в сторону, а он бежал, и мы стукнулись лбами. Все знают, как это больно!

Я крикнула: – Ты что, слепой?!

Мальчишка, потирая лоб, смотрел на меня огромными глазами, похожими на блестящие каштаны, выглядывающие из шипастых зеленых скорлупок. Был он высок и худощав, синяя майка открывала загорелые плечи и небольшие шарики мускулов, а поцарапанные ноги, обутые в кеды, были ровными и мускулистыми. Ну, вы уже догадались, кто это был?..

– Танька, это ты? – спросил Веник ломающимся петушиным голосом. Я, еще не вполне придя в себя от «лобового» столкновения и неожиданного превращения Веника, молчала и только хлопала глазами.

¹ еврейское дитя (идиш)

– Ты так изменилась, – продолжал Веник, – я тебя не сразу узнал, только по голосу сначала.

– Веник, что с тобой случилось? – я все еще не верила глазам. – Ты даже выше меня теперь. А я ведь на два года старше!

Веник засмеялся и сказал, что вот уже год занимается каратэ, и все эти чудесные изменения произошли благодаря именно спорту! Что ему надоело быть битым и он сам пошел записываться в секцию. Его не хотели принимать, но Веник оказался упрямым, он ходил туда две недели, каждый день. И его взяли.

Теперь в классе никто даже не пытается его задевать – себе дороже! А главный зачинщик прошлых неприятностей тоже ходит в секцию вместе с Веником и они вроде даже подружились.

...Я окончательно переехала к бабушке с дедушкой сразу после первого провала с поступлением в Ленинградский универ. Это был 1972 год. Во дворе нашего дома на Пушкинской было уже не так многолюдно и многогласно – кто-то переехал, кто-то умер, как Мирон Данилович Ицикович, кто-то уехал на ПМЖ за границу. Сима с Веником уехали тоже...

...В 1995 году уезжала и я с семьей. Мы жили в стране уже 14 лет. Все более-менее устаканилось и определилось. Как-то, выходя из автобуса, я споткнулась, и, если бы не какой-то военный, удержавший меня за руку, наверняка упала бы. Он проходил мимо и мгновенно среагировал.

– Спасибо, – машинально по-русски сказала я.

– Пожалуйста, – ответил он. Тоже по-русски.

Я посмотрела на него и что-то почудилось мне в его чертах... Что-то очень знакомое. Я еще не успела сообразить, что...

– Ты очень похожа на свою бабушку, – сказал он.

Я молчала, стараясь вспомнить.

– Ну, никак? – он улыбнулся. Говорил он с легким акцентом и это сбивало с толку. – Помнишь, как ты случайно разбила банку с абрикосовым вареньем, когда пришла ко мне в шашки играть, и мы прямо с полу ели абрикосы, а сироп потом вытерли тряпкой и думали, что никто не догадается? А тетя зашла в комнату и сразу увидела, что пол липкий.

– Даже не отругала нас. Вообще ничего не сказала, только спросила, не болят ли у нас животы... Так это ты, Веник?

– Конечно, я. Значит, и ты здесь.

– Как видишь.

Мы уже шли, Веник держал меня под руку и это было так странно всё – вот этот высокий, худощавый полковник (он сказал мне, что после срочной службы в ЦАХАЛе остался на офицерских курсах. А когда ему было двадцать шесть лет, в 1982 году, он, капитан танковых войск, участвовал в Первой Ливанской, был ранен. Служил, дослужился до полковника), я, страна, в которой мы оба оказались в разное время, но нам судил Бог встретиться через 37 лет, и не я, а он первый узнал меня. Этот пятидесятитрехлетний, с седым ежиком мужчина, видевший за свою жизнь столько, сколько редко выпадает на долю обычного человека, так далёк был от того толстого неуклюжего плаксы с писклявым голосом (теперь у него приятный баритон), что называть его Веником у меня уже язык не поворачивался.

– Ты теперь Биньямин Ицикович?

– Да! А мой старший сын, тоже офицер, Шимон.

– В честь тети Симы?

– Да. А дочка Моран в честь дяди Мирона.

– Жена израильтянка?

– Нет, одесситка. Да ты ее, может, помнишь? Майка-рыжая с третьего этажа, она еще в меня с балкона вишнёвыми косточками плевалась. Мы с ее братом, Мариком, в одном классе учились. Марик погиб на Ливанской.

Я плохо соображала: прошлое и настоящее, детская одесская наша жизнь, заполненная счастьем до краёв, и сегодняшний день, снова столкнувший нас во времени и пространстве, знакомые имена и незнакомые события, происходившие с этими людьми, которых я знала когда-то и совсем не знала сейчас... Мне хотелось остаться одной и просто наревестись всласть. Слишком сильны были эмоции, я плохо с ними справлялась.

Биньямин отпустил мою руку, вытащил из кейса мобильник.

– Давай свой номер телефона.

Я продиктовала. Он перезвонил, и я сохранила его номер. Мы уже попрощались, он обнял меня и сказал:

– Тетя умерла три года назад. Еще успела вырастить внуков. Очень их любила. Они ее тоже. Ну, пока. Звони.

И, уходя, вдруг повернулся ко мне:

– Кстати, знаешь, какое полное имя было у тети Симы? Просто роскошное. Она его стеснялась.

– Какое? – спросила я.

– Семирамида... Представляешь? – он улыбнулся, махнул мне рукой на прощанье и пошел, чуть прихрамывая, вверх по улице.

«Что ты помнишь обо мне?..»

Что ты помнишь обо мне?

Где живу я в нашем прошлом?

Может, там, где припорошен

Снегом след мой на земле?

Что ты знаешь обо мне,

Кроме бак, что твердила

Я тебе, пока любила,

При краснеющей луне?

Что бы ты хотел вернуть,

Если б выпала возможность —

Может, ту неосторожность,

Безоглядность, нетревожность,

Бесшабашность?... Что-нибудь!...

Что я помню о тебе...

Представляешь, очень мало!

Только самое начало...

Джаз... и соло на трубе...

«Вы так замечательно врётесь!..»

Вы так замечательно врётесь!

Вы так невозможно правдивы!

И как вы на свете живёте,

Такой весь загадочно дивный?

Какие вас сны посещают?
Какие рассветы вам светят?..
Вопросы мои повисают,
И вряд ли на них кто ответит...

А раньше, бывало, в столовке,
Из плохо помытой тарелки,
Вы ели котлеты с перловкой,
Такой... сероватой и мелкой...

Ещё говорили о Гёте,
О жизни прерафаэлитов,
И виделась в мутном компоте
Мне их золотая палитра!

Как всё изменилось, однако,
Теперь вы – все больше о боге,
О трудной и долгой дороге,
О сущности вашей инакой,
О том, что виденье вам было,
Что избраны вы и причастны,
Что вы над собою не властны,
Такой... серафим шестикрылый...

А я вспоминала столовку,
И Гете, и шум, и перловку...

Анатолий Золотушкин

Кладбище

Еврейское кладбище в Киеве.
Здесь нет деревянных крестов,
Стаканов, наполненных водкой,
Детей и заплаканных вдов.
Там только могильные камни,
Кусты, да по пояс трава,
Уехал народ мой из Киева.
Никто не приходит сюда.
Здесь мертвых никто не тревожит
Житейской своей суетой.
Они обрели наконец-то,
Обещанный вечный покой.
Сияет над кладбищем солнце,
И птицы поют надо мной,
А Город вдали гроыхает
Дорогой своей окружной.
Уехал навеки из Киева
Мой вечный и мудрый народ.
Остались лишь камни залогом,
Что память о нем не умрёт.

Вперед, к свинье навстречу!

Поросенок Гоша родился восьмым из девяти у своей мамы Хавроньи. Родился полузадушенным, и запутавшимся в пуповине. «Не жилец», — подумала ветфельдшер Анжела, принимавшая роды. Она завернула новорожденного в свежую тряпицу и положила отдельно от остальных поросят.

Гоше повезло родиться не на простой свиноферме, а в образцово-показательном животноводческом комплексе. Сюда привозили иностранные делегации и депутатов. Комплекс был оборудован всевозможной импортной техникой, вплоть до кислородных камер для недоношенных поросят. Туда нашего Гошу и поместили. Надо сказать, что Хавронья не очень обеспокоилась отсутствию одного из своих детей. Она вряд ли их подсчитывала и даже если обратила внимание на недостачу, решила, что люди взяли ее сына, чтоб украсить им праздничный стол. Это иногда случалось в орденоносном коллективе.

Через несколько дней поросенок оклемался, и его вернули в родной загончик. Мама недоверчиво обнюхала блудного сына и спросила: «Ну как там было на столе, с петрушкой в зубах?» Гоша ничего не ответил, плотно прижимаясь к маминому брюху. «Ну, да ладно», — прохрюкала Хавронья, подвигая ближе к пятачку вновь обретенного сына свой самый толстый сосок. Наевшись, Гоша отполз и уснул. И снился ему огромный зал со старинными картинами на стенах. Под потолком тысячесвечовая люстра, за столом мужчины во фраках или военной форме с золотыми эполетами и полуодетые дамы. Сзади стоят лакеи в красных ливреях, на лету ловя-

щие пожелания гостей. На балконе оркестр играет мазурку. Распахивается дверь, мажордом с тяжелой золотой цепью на груди стучит посохом, оркестр замолкает, и он возвещает: «Гоша!». Все встают с вилками и ножами в руках, и он всплывает на серебряном блюде, украшенный лимонами и зеленью, на голове корона из морковки.

...

Но тут сладкий сон прерывается. Братья и сестры зашевелились, над загоном поднялся громкий хрюк. Из всех углов звучало волшебные слова,— «Помои! Привезли помои!». Конечно, это были не обычные помои, которые подают в простых хлевах. Им привозили из правительственных дач, и почти всегда там была апельсиновая кожура, а иногда и гнилые апельсины. Старший брат вспоминал, что однажды пробовал очистки от киви, неведомо как попавшие к ним. Наверное, был привоз из американского посольства. Все поросята сгрудились возле корыта, а некоторые погрузились туда целиком, блаженно хрюкая. Мать умиленно следила за ними, лежа на боку. У нее еще не прошла слабость после родов. Но Гоша не побежал вместе со всеми. Зачем толкаться и пихаться своим нежным пяточком ради какого-то яблочного огрызка, когда тебя ждет такая блистательная судьба,— старинный зал и серебряное блюдо.

А может быть, он станет цирковой свиньей? В любом случае не стоит суетиться.

Когда ажиотаж возле корыта стих, Гоша подполз к нему на передних лапах (вставать на все четыре не хотелось) и немного похлебал. Ему попались луковые очистки, такие горькие, что аж слеза прошибла. «Зато это полезно», — подумал Гоша и вернулся в свой угол.

Так и повелось. Гоша приходил к столу последним и доедал остатки. Он не участвовал в веселой возне своих ровесников, а тихо лежал в уголке и предавался мечтам. А может, меня усыновят бездетные люди, купят мне красивый ошейник и будут выгуливать в парке, а спать положат на шелковую подушку. Будущее было светло и лучезарно, а настоящее грязно и уныло.

Тем временем мама всерьез обеспокоилась своим восьмым. Она ведь не знала, как зовут ее детей, и различала их только по времени появления на свет. «Что ты лежишь? — укоряла она Гошу, — смотри, четвертый и шестой уже попали на стол директора фермы, а пятая на прием в шведском посольстве. Первый сдал экзамены, прошел по конкурсу в школу хряков, и его ждет блестящее половое будущее. Третью и седьмую взяли на ВДНХ, а ты лежишь тут один и совершенно не набираешь вес».

Гоша ничего не отвечал. Ведь мать не знала о рыцарском зале и мажордоме с золотой цепью, она была совершенно необразованная свинья.

Настало время отлучения от маминой сисыки, переломный момент в жизни любого поросенка. Пришла строгая комиссия. В этот день в ней участвовал даже главный зоотехник. Он в последнее время редко появлялся на рабочем месте. Дело в том, что за месяц до этого дня, после бурного новогоднего застолья, ему было видение. Ему явилась бабушка Ревекка, маленькая, сухонькая старушка в шляпке с вуалью, и спросила: «Сема, что ты делаешь? Как ты можешь жить в этой гойской стране, да еще работать на свиноферме? Ведь я тебе передала такой чистый и незамутненный еврейский ген, а ты извальял его в свинском навозе». И Сема решил пройти гиюр и поменять имя на Шмуэль, что означает «его имя Бог». Он подал документы на выезд в Израиль и дорабатывал на свиноферме последние дни.

Его раздумья прервал Дашин возглас: «А с этим, квелым, что делать?». Сема посмотрел на поросенка, его тонкую кожу, через которую просвечивали синие вены, его изящное рыльце с легкой горбинкой, на трогательные копытца, и вдруг его осенило: «Это кошерный поросенок! —закричал он и взял Гошу на руки. — Я возьму его с собой в Израиль!»

Так у нашего героя началась новая жизнь. Теперь он жил в кабинете у Семы, и новый хозяин кормил его с ложечки кошерными кормами, а от апельсинов у него случилось даже легкое несварение желудка. Конечно, оформить документы на кошерного поросенка было нелегко. Но даже самые строгие раввины подписывали все бумаги, стоило только взглянуть на Гошу.

Многотысячная толпа, одетая в черные костюмы и шляпы, встречала Шмуэля и Герша (так теперь звали Гошу) в аэропорту «Бен-Гурион». На специальном свиномобиле Герш поехал в арабскую христианскую деревню к своим невестам. Специальным галахическим постановлением было утверждено, что у свиней кошерность передается по отцу, а не по матери. Когда Герш состарился, и время любви для него осталось позади, главный раввин принял постановление о съедении.

Шесть знатоков Писания вынесли Гошу в обеденный зал, в котором чернели строгие наряды богоизбранных. Гоша ничего не мог сказать, но не только от счастья, – у него из пятачка торчала петрушка.

Александр Казарновский

Были они чернявые и горбоносые

Говорят, поговорка «Париж всегда Париж» в наши дни со страшной скоростью устаревает. Вероятно. Но что точно – то, что Одесса всегда остается Одессой. В первый раз я приехал туда сорок лет назад, а за последние два года побывал там четыре раза. Одесса изменилась до крайности, но Одессой осталась. Это не Россия и не Украина. Это отдельная страна со своим менталитетом, со своей культурой, со своим диалектом. И со своим народом. Да-да, в ней проживает особый народ под названием «одесситы».

Если взглянуть под еврейским углом зрения, то существует два вида галута². Первый – обычные страны – Франция, Италия, Германия, где имеется титульная нация, где еврей – вне всякой связи с антисемитизмом – в культурном плане всегда человек второго сорта, где если русский не кричит, как Вампилов, на могиле Пастернака: «А всё равно он жид!», то только потому, что он интеллигентный человек, а, как известно, что у хама на языке, то у интеллигента в подсознании.

В гениальном фильме Мамина «Бакенбарды» одна из самых замечательных сцен – инцидент в обществе молодых русских националистов, фанатов Пушкина, среди которых один оканчивается вообще-то Финкельштейном (в точности фамилию не помню, но идея та самая). Тогда лидер, которого играет Сухоруков, устраивает своей пастве конкурс на знание истории русской монархии, на котором с гигантским отрывом побеждает Финкельштейн. «Так кто же после этого Финкельштейн?!» – вопрошает вождь. Присутствующая полнотелая молодая славянка, готовая от восторга отдаться триумфатору, восклицает: «Он же русский!» И фюрер-пушкинолюб подводит итог: «Так что не стыдись того, что ты Финкельштейн. Это не вина твоя... (пауза) ...а беда!» В этой формуле вся суть галута первого типа, который в целом был выкорчеван Холокостом и добит ассимиляцией, так что всего-то в тех краях и осталось, что «еврейская сотня» на Майдане да странные фантазии Дмитрия Быкова, сочетающие пастернаковскую теорию соли во флаконе, обожание еврейского народа да патологическую ненависть к Израилю. Для человека же, который хочет действительно оставаться евреем, там есть две альтернативы – уйти в глухую самоизоляцию или рвать когти.

Но есть и другой вид галута – который почти не галут, который выглядит вообще негалутом, а потому вдвойне опасен, поскольку тоже ведет к ассимиляции, причем та протекает в нем медленнее, чем в галуте первого вида, но вернее. Речь идет о странах, – США, Канада – в которых нет титульной нации. Как пишет Ю. Кошаровский в книге «Мы снова евреи», «в американский плавающий котел попадают англичане, французы, немцы, евреи, негры и так далее, а выходит из него американская нация. Если вы спросите любого американского еврея, кто он по национальности, он, не моргнув глазом, скажет: «американцем». И не просто скажет, он за свою Америку готов огонь и в воду. «А как же с еврейской идентичностью, с синагогами, пейсами, кипами, бар-мицвами, обрезаниями, с помощью Израилю?» – спросите вы. «Ах, это... – скажет американец, опять же не моргнув глазом, – это наша религиозная идентичность, наши традиции. Никто не заставляет нас отказываться от нашего прошлого, как, впрочем, и всех остальных».

Иными словами, мечта, в погоне за которой европейские евреи напоролась на Холокост, в Западном полушарии стала реальностью. Евреи стали там американцами Моисеева завета, канадцами Моисеева завета.

² **галут** (евр., буквально «изгнание») – вынужденное пребывание еврейского народа вне его родной страны Эрец-Исраэль.

Так вот, в Одессе то же самое. И, что любопытно, не только евреи видят себя одесситами Моисеева завета, но и окружающие их так воспринимают. Причем сложилась такая ситуация далеко не сегодня. В мой первый приезд, в семьдесят пятом году, я, гуляя по Одессе, наткнулся на гитарную компанию и прослушал их импровизированный концерт. Исполняли всё подряд от «Жил на свете Хаим» и до «В Одессе зажигаются огни». А потом спели про султана по имени Али-баба, который живет «на тихом Юге, в городе Стамбуле» и «каждый вечер танцует палируку». В конце песни:

Прошли года, Али-баба скончался,
напившись ночью капель сургуча.
И без того слезами обливался,
И на могиле женщины кричат.
Али-баба, Али-баба,
ты посмотри какая женщина,
Она танцует, чарует, смеется и поет.

– Не наша песня! – прокомментировал гитарист, когда отзвучал последний аккорд. – Ведь Али-баба умирает. Неправильно это, не по-одесски... Вот «Хаим с того света продолжает дело это» – это по-нашему!

Окружающие с ним согласились. Отмечу, что все, кроме меня, в этой компании, были ярко-славянского происхождения.

Еще один любопытный момент. Вот как воспринимал знаменитого Мишку Япончика его современник Авраам Техоми: «Мишка Япончик, прославленный „Король одесских улиц“, был своего рода Робин Гудом... В отличие от остальных налетчиков, которые, как правило, были бандитами, Мишка Япончик не просто пускал добычу на поддержку самого себя и армии своих приверженцев, он распределял пищу и медикаменты и бесплатно раздавал их бедным. Мы... не могли не любить Мишку Япончика... Давно миновали славные дни революции, нет больше налетчиков, но одесская беднота не забыла его».

А вот из сегодняшних комментариев на статью о Мишке Япончике в интернете: «Какое счастье, что мы одесситы, наследники великого Михаила Винницкого! Иван Петренко».

Сорок лет назад коренные одесситы жаловались, что в Одессу понаехали «когуты», сиречь «рогатые», то есть украинские крестьяне. Сейчас потомки этих «когутов» чувствуют себя наследниками Мишки Японца. Не то, что бы евреев не осталось в Одессе. Есть и много. Ну и что? В других городах на русскоязычном пространстве их не меньше, а то и больше. Но где ещё вы сможете на стене дома прочесть надпись, гласящую, что такой-то – поц. Где ещё вы найдете на асфальте мелом нарисованные рядышком солнышко, пятиконечную звезду и магендавид? А кафе «Маккаби»? А кафе «У Гоцмана»? А вообще – «улица Еврейская»?

А где еще за пределами Израиля, увидев на улице красивую оригинальной породы и внешности собачку и спросив у хозяина, как ее зовут, вы услышите в ответ: «Авива». И пояснение на случай непоняток – «Весна», значит.

Говорит ли это что-нибудь о происхождении хозяина? Только не в Одессе, где можно услышать «азохен вей» от самого широкого украинца. Соответственно этому и слово «Израиль» вызывает у местной публики в основном положительные эмоции – нечужое место – либо родственники, либо друзья, либо родственники друзей, либо друзья родственников...

Есть у меня на «Привоze» приятельница. Зовут Валечка. Сама она родом то ли из Ростова, то ли из Ставрополя, но в Одессе вполне ассимилировалась. По заказу нееврейского друга, не нуждавшегося в кашруте, покупал я у Валечки рачков. Узнав, откуда я прибыл, Валечка в полном восторге громогласно оповестила коллег за прилавками:

– Мои рачки в Израиль поедут!

Кстати, на прилавке у Валечки красовалась надпись: «Справок по городу не даем. Достали!»

Должно быть, «искусство жить в Одессе» немыслимо без чувства юмора. Вот «новые одесситы» и овладевают им. Действительно, какая разница, откуда родом те или предки тех, что назвали свои зоомагазины «Усик» и «Белый кот», или того, кто на доме 47 по Екатерининской повесил мемориальную доску с надписью: «В этом здании с 31 марта 1931 года по 1 апреля 1932 года работал управдомом Остап-Сулейман-Берта-Мария БЕНДЕР-бей», кто в книжных лавках вывешивает призывы вроде «ОСТОРОЖНО!!! НЕРВНЫЕ ЛЮДИ!!! – резких движений не делать, громко не говорить», или

«Если денег нет!

По мелочам не беспокоить!

заходи – тихо

говори – кратко

проси – мало

давай – больше

уйди – быстро

спасибо!»

А в витрине гастронома плакат, на котором лимон говорит помидору: «Глянь, ми у списка гостей?!», а тот отвечает: «Жовтий, це меню!»

Я помню, ещё сорок лет назад меня поразила открытость одесситов, их непосредственность, их готовность идти на контакт. Быть может, в сотворении подобной ментальности отчасти сыграли роль знаменитые одесские дворики, где вся жизнь проходила на виду, где понятие «соседи» быстро перетекало в понятие «друзья», а понятие «друзья» в понятие «родственники»? И вот сегодня, в эпоху телефонной связи, функции «Контакта» и SMS с успехом выполняют надписи на городских стенах. Ходишь по городу и читаешь чуть ли не на каждом углу чьи-то признания в любви, покаянные письма вроде «Настенька, любимая, прости», а то и философские изыски типа «жизнь – боль».

Ну, и обратная сторона – похоже, молодые одесситы считают улицу идеальным местом для выяснения отношений. В мой последний приезд за три дня странствий по городу я стал свидетелем как минимум четырех семейных ссор, причем хороших таких – с матом, с угрозами, со слезами...

Повторюсь – Одесса всегда Одесса. А одесситы всегда одесситы. Пусть волосы у них посветлели, а носы повыпрямлялись.

У Бредбери есть рассказ «Были они смуглые и золотоглазые» о том, как земляне, прилетевшие на Марс, понемногу становятся смуглыми и золотоглазыми, как вымершие марсиане, начинают говорить по-марсиански, берут марсианские имена и в конце концов полностью превращаются в марсиан. Не удивлюсь, если с новыми одесситами, сменившими прежних, чернявых и горбоносых, произойдет нечто подобное.

Кстати, в это приезд я опять встретил Валечку. За год, что мы не виделись, она не изменилась ничуть, только горбинка на носу появилась.

Маргарита Рубановская

Сплошная авантюра

Как всегда, в пятницу утром я возилась на кухне. В подготовке к шаббату муж помогал тем, что переключал радиоприёмник со станции на станцию. Между затяжными напевами арабских певцов, новостей о спорте, звуков классической музыки вдруг послышались позывные радио РЭКА (голос Израиля). Слушая радио на русском языке, я подумала: интересно, а когда мы в последний раз были в театре? Как нельзя кстати прозвучал рекламный блок культурных мероприятий на ближайшие время. Концерты, выставки, интересные встречи. И вдруг объявление: Хелен Лимонова приглашает на «Лимонник».

Кто такая эта госпожа Лимонова? И что это такое – «Лимонник»? Честно сказать, я понятия не имела.

Муж репатрировался не в таком нежном возрасте, как я, поэтому он рассказал мне, что такое «капустник». Я поняла так: кто во что горазд, а в общем, всем весело.

– Ну, что? – подумала я, – молодцы братья-евреи! Как всегда, могут из г... конфетку сделать. «Капустник» – «Лимонник»! Звучит! И вполне съедобно!

Решили попробовать! Идем! Опять же, себя покажем, на людей посмотрим.

– Милый, а там кто на что горазд? И что предложить можем мы?

– А слабо лимонный пирог испечь? – спросил муж.

– Не, неслабо, – бодро ответила я.

– А кисель со сливками?

– Не, неслабо.

– А жареную картошку с грибами?

– Да, неслабо, неслабо.

– А рассказ?

– Неслабо, – так же бодро ответила я.

– Решено! С тебя рассказ, а всё остальное я беру на себя, – сказал мой муж-авантюрист, – я же мужчина.

– Алё! Великий комбинатор! Какой рассказ? Это же не пирог, и тем более не кисель со сливками! Его же надо придумать, написать, еще и небось, в удобоваримой форме! А у меня формы только для пирогов, и с учетом семьи кастрюли «людоедские».

Пиши! Легко сказать! Да и о чём писать?

– Пиши о главном! – резонно решил муж. – А главное у нас что? – важно спросил он, и сам же ответил: – Правильно! Дети!

– Ну, да, дети у нас хорошие, можно и написать! – согласилась я.

Через неделю был «Лимонник». Народу собралось!.. Со всего Израиля. Приехали гости из-за границы. Все такие талантливые, одухотворенные. Кафе, правда, маленькое, но обстановка уютная. Конкурсы, призы... Одним словом «Капустник»! Ой! Простите, «Лимонник». Рассказ я написала, но чувствую, что в «супе» чего-то не хватает. Первый блин, сами понимаете, он всегда – комом!

Страшновато как-то. «Ну, – думаю, – если, что, послушаем и уйдем! Записаны последними, мы – не „гвозди“ в программе, так что из-за нас провала не случится!»

А если, честно, «гвоздей» тоже не много было.

Прослушав веселого молодого человека, рассказавшего историю о происхождении человека от динозавров, я поняла, что терять мне нечего. Моя теория о происхождении детей – абсолютно реалистичная, и все факты, так сказать, с аргументами у меня налицо!

Поднялась на сцену вроде нормально, но после первых строчек было впечатление, что прикрываю собой амбразуру. Как в сказке! В конце – аплодисменты! Кто-то даже сказал, что ему понравилось.

Госпожа Лимонова попросила прислать ей три рассказа до конца следующей недели.
А слабо?

Мама идёт в армию

Как известно, в бывшем СССР женщин не брали в армию. Возможно, маленькое количество всё-таки служило, но никто этого особо не замечал. В школах преподавали «Военное дело», разбирали автомат, стреляли из духового ружья, надевали противогаз... Мужчины из моего окружения пытались каким-либо образом уклониться от службы. Женская доля была учиться, ждать, учиться ждать.

По приезду в Израиль я поняла, что эта великая страна держится на трёх слонах: Работа, Забота, Армия! Выйдя замуж и будучи давно старой девой (в свои 28 лет), я с мужем приступила к самому лучшему производственному моменту – производству будущего Израиля! Процесс оказался настолько удачным, что в течение трёх лет у нас родилось трое детей; всего их четверо. Меня не предупредили, что желание служить в армии у подрастающего поколения здесь неимоверное! От этого во многом зависит будущее наших детей. И вопрос «зачем тебе это надо?» здесь не прокатывает. Моей дочери, чтобы повысить свой военный профиль с 64 (она хронический астматик) до 72, пришлось сделать несколько «восьмерок» в воздухе, но так и не удалось попасть в боевые части. Теперь весь наш дом страдает от военной полиции. В её выходной утро начинается с вопроса к моему мужу: «Еш леха птор ми закон?» («Есть у тебя освобождение от бритья бороды?») На что он, 54-летний салага, отвечает: «Пойду к парикмахеру, возьму! Товарищ полицейский...». И не дай Бог ботинки в салоне... Надеюсь, в жизни это ей пригодится.

Мой муж прослужил в армии 20 лет, вернее – ходил на сборы. Я была наслышана, что такое армия, но, честное слово, не ожидала, что мне придётся учить новый язык (только-только иврит осилила). Например: «цаль, хамаль, мем пей, хам шуш, мем цадек, кабан, расар, кам-цар...» Услышала в первый раз от своей дочери-санинструктора, что солдатку из их части послали к «кабану»! В моей голове возник «Золотой телёнок», и в какой-то момент я, наконец, поняла, почему евреи не едят свинину – она святая! И отвечает за душевное здоровье наших детей!! (В переводе «кабан» – ответственный за душевное состояние наших солдат). В один прекрасный день, когда все трое вернулись домой, после борьбы с четырьмя стиральными машинами, я решила: всё, хватит; я должна понять, что такое армия?! С собой надо взять самое главное! На вопрос: «что оно – самое главное?» моя старшая дочь ответила: «Бюстгальтер!»

– Лама? (Почему)?

– Так ты сможешь проявить свою индивидуальность, стоя в очереди в душ.

Старший сын, десантник, заявил: «Дарбука, а лучше мяч. Так ты будешь другом всех, и даже командира, а ему уже 21 год!» Младшая дочь-полицейский сказала, что документы должны быть в порядке и обувь начищена. Я уверена, что таких, как я, собралась бы много. И вот мы все, такие красивые, в роскошных лифчиках, в начищенных ботинках, в одной руке мяч, в другой – кастрюля с супом (это уже от нас) ... Подходим к границе нашей исторической родины. И пусть кто-нибудь попробует прийти к нам с мечом. А с нами дело лучше не иметь...

Удивлённые нашим бельём, ослеплённые нашей обувью!..

Мы накормим их супом и отправим играть в мяч.

Наступит время, когда я смогу сказать своему младшему сыну: «Нёма, когда ты вырастешь, армии больше не будет».

Вики Петров

И ещё раз – Брахи

Она приходит на занятия раз в неделю, уже больше полугода, в сопровождении матери – девочка из большой харедимной (ультраортодоксальной) семьи. Брахина маменька хорошо известна всей больнице, и даже наши закалённые администраторы ее слегка робеют. Крохотная, безвозрастная, укутанная в положенные чёрные тряпки, она лёгким смерчем несётся по коридорам с Брахи на буксире. Посверкивают очёчки, поблескивают под ними пронзительные глазки. Улыбка сдержанная и отнюдь не зовущая улыбнуться в ответ.

Никогда не пропускает занятия. Никогда не опаздывает, и если есть возможность просочиться в кабинет на пару минут пораньше, обязательно это проделает. Родителей «с секундомером», считающих минуты занятия, не любит никто, но тут я стараюсь не раздражаться. У Брахиной маменьки пятнадцать детей. Из них шестеро с тем же заболеванием, что и у Брахи. Не существует такого – занятия, направления, лекарства – чего этот мини-танк в юбке не может вынуть из скупердэйской больничной кассы.

Я у маменьки вроде бы в фаворе. Хотя и окидывает строгим взглядом мои шпильки и голые локти, но желает продолжать занятия только со мной.

С Брахи мы дружим. Четырехлетняя (уже четыре с половиной!) девица, радостно хохоча, летит ко мне с другого конца коридора. Всегда аккуратно и даже мило одета, мокрые после бассейна волосы невозможно туго затянуты в тощий хвостик.

Наше общение все ещё – диалог двух миров. Мы постоянно друг друга удивляем.

– Как дела, Брахи?

– Слава Богу! – отвечает она привычно.

Я хвалю её платье, она уже не удивляется, но явно не знает, как реагировать. Область «фэшн» ей незнакома, дома об этом не говорят.

Занимаемся неблагоприятной, нудной артикуляционной тренировкой. Одно и то же, бесконечные повторы, всё невеликое разнообразие уже исчерпано. Но у Брахи всё так же горят глаза, она с энтузиазмом в сотый раз играет всё в ту же «мемори». Я привычно поддаюсь (хотя с моей супер-девичьей памятью это совсем не трудно), Брахи звонко и заливисто хохочет. Гордо ощупывает солидную стопку выигранных карточек, бросает жалостливый взгляд на мои скромные успехи. И произносит с абсолютно взрослой интонацией: «Бедная ты... Всегда проигрываешь...»

Пигалица в клетчатом платице, очевидно, чувствует себя старшей в нашем тандеме.

Впрочем, я всё же взяла реванш. В конце занятия обнаружилось, что Брахи, имеющая очень приличный словарный запас, не в состоянии назвать ни одного тропического животного. Тигр был обозван кошкой, жираф и обезьяна вогнали ее в тяжёлую задумчивость.

«Брахи, ты же была в зоопарке...» – молчит. «Мы туда не ходим, – вмешивается мать. – Очень много людей, зверей не видно».

Ну да. Зоопарк, конечно, не в списке первой необходимости... Даже наш, иерусалимский, танахический... Опять на высоком лобике четырёхлетней взросленькой девочки проступают стигмы другой галактики.

«Брахи, ты устала, наверное?» Я сегодня четвертая, после бассейна, да со своим артикуляционным занудством. Опять удивлённый взгляд: «Нет!»

«Она не устала», – строго пресекает мать мою попытку зажать оставшиеся семь минут занятия. Это понятие, как и «фэшн», не в обиходе.

Уже уходя, скупно поблагодарив, мать притормаживает в дверях. «Так ты говоришь, она умная?» – сверлит меня из-под платка пронзительными голубыми глазками. «Очень,» – я искренна. «Эта будет много учиться», – сообщает мать. Будущее Брахи спланировано.

Хорошо бы, там нашлось место тигру с жирафом. И обезьяне.

Гуль-гуль

Надо было на час раньше выбираться... А сейчас уже народ с работы повалил, опять же суббота грядёт, в супере тусовка в разгаре. Участники разнолики, потому как открытый «досами» магазин повышенной кошерности и низких цен оценило все окрестное население. И теперь на просторах чинно «соблюдающего» супера в одном ряду рулят тележками и строго оформленные тётушки с тючками на голове, и хриплоголосые боевитые фрехи.

Час пик. Шумно. У молочных рядов в уши внезапно ввинчивается громкое, перекрывающее гомон: «Гуль-гуль-гуль..! Гули..!» Мужик, стоит ко мне спиной, куда-то в пупок себе, но довольно громко и очень выразительно исполняет этот текст.

...Ну, что – нам ли, всю жизнь в окружении особенных детей, удивляться? Странно, что нет сопровождающего... Одет мужик в стандартную «досовскую» униформу, чёрная кипа, молодой. Продолжает самозабвенно курлыкать свое «гули-гули», одновременно вполне адекватно шуруя на полках. Как бы невзначай обхожу сбоку и вижу, что курлычет он в телефон. А вид имеет ничем не примечательный. Кажется, ошибочка в моем диагнозе.

Исполняемая тема развивается: «Гули-гули..! Авигайль..! Скажи – папа, иди ко мне! ... Гуль-гуль..! Ах, ты купаешься?! В ванной?! ... – и, проверяя срок годности йогурта, на высшем градусе восторга: «Как тебе везёт!!! ... Гуль-гуль!! Какой кайф!!» К йогуртам, после колебания, добавляется ещё упаковка сметаны. «А ножки ты уже помыла, Гуль-гуль?! ... Правда?! Как здорово!! Папа очень рад!!!»

Не знаю, как Станиславский, а я про себя твердо сказала – верю!

Наши еврейские папы – они такие.

Воробушек

Хрупкое. Тонкое. Ломкое.

Все ответы правильные.

Ей три года, за спиной у нее страшный диагноз, операции, процедуры, пересадки, а сейчас – реабилитация. Такое хорошее, спокойное и надёжное слово – после всех грозных и немыслимых, звучавших над головой этого воробья.

Онкологические дети – всегда особая история, даже в наших стенах. А эта ещё и не местная, медицинская туристка – так это называется.

Ну да, туристы – это впечатления, новые страны и города, краски, запахи, звуки, глаза горят, как бы все успеть...

У воробушка глаза не горят. Ее впечатления хорошо бы забыть, утопить в черной воде, из которой она медленно, тихонько выплывает. Она вообще вся замедленная, словно закованная, с личиком, легче складывающимся в плач, чем в улыбку. И отраженно – то же выражение на лице ее длинноногой красавицы-мамы. Мама подключена к воробушку миллиардом незримых волокон, ловит, впитывает, анализирует идущие от нее импульсы, лишь бы не пропустить чего-нибудь, отбить вовремя возможную атаку страшного... Я, идиотка, на одном из занятий брякнула, что, кажется, лобик горячий. То, что промелькнуло у мамы в глазах, было открытым выходом в бездну. Через полторы минуты она уже стояла в дверях с градусником, который непонятно где и как раздобыла, учитывая, что ни ивритом, ни английским не владеет. Нормальной оказалась температура. А я готова была язык себе отгрызть...

Воробушек не тянет на свои три года – ни по одному из параметров. Мама успокаивает меня: «Это нормально, нам сказали, что после облучения ещё в течение года будет регрессия...»

ОНА успокаивает МЕНЯ.

Я плохо понимаю, в какую сторону двигаться. Все упражнения, игры на тему и прочая полезная лабуда легко отодвигаются в сторону слабым покачиванием головенки, уже не лысой, а покрытой нежным русым пушком. Не хочет. Неинтересно? Нет сил?

А сегодня я достала из шкафа деревянный тортик, с деревянными же свечками, и воробушек вдруг просиял невероятной улыбкой. И все полчаса занятия мы увлеченно пилили пластиковым ножичком сидящие на скотче куски торта, вставляли и вынимали свечки, а когда я ставила голубую свечку в жёлтый цветочек, Машка радостно хохотала над моей тупостью, качала пушистой головой и громко тянула: «Неее!» На финальное «т» в слове сил все же не хватало.

Хорошее было занятие.

Вполне себе успешное.

Осталось придумать, как записать цели и задачи в недельном отчёте.

Георгий Зингер

Из повести «Инопланетянин»

...С цеховиками однажды вышла история, не зря напугавшая Хрущева с Семичастным: она показала многим, что грозную массивную плотину советской плановой экономики можно проткнуть тонким прутиком и струйка, разрастаясь, способна разнести все. Описывать, как они все это организовали, не берусь: и скучно, и подробностей не помню. Придумка была довольно примитивной, ее авторы, так себе людишки, ни славы, ни казни не заслуживали. Но был там один... Для меня эта фигура – не более чем мимолетное мальчишеское впечатление, может быть, плод фантазии. А все же хочется назвать его имя, воспеть этого диковинного типа – да-да, воспеть, как встарь безответственные менестрели наравне славили бесшабашных удалцов, пророков, распутников, магов и королей. Проходят десятилетия, а это искушение, острое и неоправданно праздничное, все бродит у меня в мозгу – так уж чего там, поддамся! Звали его Исай Флорент. Крупный госплановский чин, приложивший руку ко всей этой истории.

То был сухой маленький человечек в строгих черных очках и черном костюме, неизменно застегнутом как минимум на одну пуговицу. Почему он видится мне в каком-то развевающемся балахоне? Ясно же, что костюм ни при каких обстоятельствах развеяться не может... Объяснить не возьмусь. Просто это так. Несусветная огненно-белая шевелюра «под Эйнштейна» парила над его головой, слегка фосфоресцируя. У нас в квартире этот человек был раза три или четыре, и, как мне казалось, с его появлением стол и шкафы еще как-то сохраняли подобающую неподвижность, а стулья сразу начинали пританцовывать: им становилось беспокойно, странный вихрь носился по комнате.

Отпихнув взбудораженные стулья, мой отец, известный в Москве портной, приступал к примерке, но и это прозаическое занятие оборачивалось каким-то хитроумным действием: седой моложавый заказчик лет пятидесяти, наподобие иных гофмановских персонажей, как-то все подскакивал, зависал в воздухе, немного даже парил, исподволь подбираясь к нашей псевдовенецианской люстре. Его глаза разгорались, он грохотал, хохотал, не вмещаясь ни в какие рамки – фантасмагория, а не человек!

Что он тогда говорил? Клеймил Госплан: мол, тамошняя чиновная публика, чуть что, разучивается считать дальше шести, а уж повернуть такую сложную математическую операцию, как перемножение пятнадцати на одиннадцать, никак не возможно без вызова четырех референтов, трех пресс-атташе с перепроверками, отчетами, представлением базовых данных – и квартальной премией независимо от успеха либо неудачи. Главное, любая разработанная такими умами комбинация, сколь бы идиотской ни была, грозит обернуться законом, на веки вечные нерушимым! Седые колдунские лохмы Исая Флорента взметались уже под самым потолком, с высоты которого он уничтожал смехом и презрением крошечный Госплан, истощивший его терпение своим интеллектуальным убожеством..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.